

MORAL EVOLUTION OF THE CHARACTER IN *STONER* BY J. WILLIAMS

The purpose of this article is to analyze moral evolution of the character in the novel *Stoner* by John Williams at professional and personal levels. We distinguish five stages of Stoner's lifeline, which allow us to conclude about changes in the character's life and how he grows up as a Teacher and a Person.

Key words: John Williams; Stoner; teacher; moral evolution; literature.

УДК 821.112.2.0

УТОПИЯ ПРИМИРЕНИЯ АВРААМИЧЕСКИХ РЕЛИГИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. ЗАЛЬТЕНА

О.П. Халезина

*Научный руководитель: Н.Э. Сейбель,
доктор филологических наук, профессор (ЮУрГГПУ)*

В статье рассматриваются основные утопические идеи в творчестве австрийского писателя начала XX века Феликса Зальтена. Несмотря на многогранность его художественного мира, неизменными для произведений на протяжении всей жизни Зальтена оставались темы религиозного искания, мира и братского единения народов Палестины. В многочисленных эссе, рассказах и романах передается пацифистское настроение автора, надежды на будущее, в котором иудеи, как народ-посредник, должны стать ключевыми фигурами в сближении представителей авраамических религий.

Ключевые слова: Зальтен; сионизм; авраамические религии; иудаизм; Т. Герцль; «Новые люди на старой земле»; «Флорентийская собака»; «Жозефина Мутценбахер»; венский театр; австрийская литература.

Феликс Зальтен был одним из самых разносторонних венских писателей начала XX века. Стихи, романы, рассказы, путевые заметки, пьесы, фельетоны, театральные рецензии, эссе, либретто к опереттам (под псевдонимом Фердинанд Столлберг), пантомимы, рецензии на книги – широта жанрового репертуара писателя неоднократно осмыслялась литературоведением [Beverley 2010]. Разнообразие содержания – от апокалиптической футурологии до сатиры, от неодобрения старого истеблишмента до эротической провокации, от религиозных исканий до сотворения новых мифов – объединено попытками найти новую цель и смысл человеческого существования. На протяжении всего творчества Зальтена занимают вопросы отношений человека с Богом, культурного и религиозного разнообразия мира, возможности примирения религиозно-идеологических конфликтов в едином устремлении к «высшему».

Зигмунд Зальцманн родился в семье, в которой, начиная с XVI века, мужчины традиционно были раввинами. В возрасте шести лет Зальцманн поступил в начальную школу в Вахринге, где посещал католические занятия до четвертого класса, после которых ему не разрешили принять

таинства Исповеди и Святого Причастия, что заставило его осознать, что он отличается от других учеников: «Отлучение от христианской веры шло медленно и без всяких проблем. Мой иудаизм рос вместе со мной, вырослел вместе с моим взрослением»¹ [Salten 1926: 103]. Приобретенная с детства иудейско-христианская религиозная система представлений о мире сформировала авторскую индивидуальную картину мира писателя.

Раннее творчество Зальтена отражает явное влияние эпохи Возрождения. Он увлекается историей, переносит время действия своих повестей в давние времена становления и расцвета Австрии, часто сталкивая комико-эротическое содержание текстов с грандиозным фоном, на котором разворачиваются события: общей тенденцией авторов начала XX века становится, по словам его исследователей, чтобы «рассказы о любви и эротических приключениях происходили в XV веке» [Rouh 2000: 112]. Зальтен написал три произведения, действие которых происходит в этот исторический период: «Мемориальная доска принцессы Анны» (1902), «Крик любви» (1905) и «Бог пробуждается» (1941), а в 1906 году выходит порнографический роман «Жозефина Мутценбахер», опубликованный Зальтеном анонимно. Автор передает трагическое ощущение утраты старого миропорядка. Как и многие венские писатели, он отражает противоречивость ситуации распада и смены времен: «Регрессивная Австрия заключала прогрессивность в идее объединения народов, которую мы начали ценить только после окончания мировой войны» [Ester 2004]. Сексуальность героинь Зальтена «является своего рода социальным ответом на угнетение. “Жозефину Мутценбахер” можно было читать как своего рода эротическую историю о конце света» [Rouh 2000: 113], аллегорию разрушения привычного миропорядка, подобно библейскому падению Содома и Гоморры.

Идея примирения и отказа от насилия как способа решения конфликтов и пацифистское настроение произведений сопровождают весь творческий путь писателя. В серии из пяти эссе «Театр и евреи», опубликованной в 1899 году, Зальтен заявил, что антисемитизм уже занял свое место в театральном мире: «Самое важное требование новейшего венского театра – полное отсутствие евреев» [Salten 1899: 13]. Свое произведение он завершил словами о непростой участи иудеев, обреченных на одиночество и непонимание: «Одно остается типичным для них, где бы они ни играли, что бы они ни олицетворяли, кажутся ли они трагическими или смешными, серьезными или насмешливыми, всегда есть тысячелетняя боль иудаизма, которую они разыгрывают» [Salten 1899: 13]. Первая драма Зальтена «Простой солдат» была запрещена к показу в 1900 году, поскольку содержала нескрываемую критику и

¹ Все цитаты из иноязычных источников приводятся в нашем переводе. – О.Х.

неодобрение по отношению к военным и решению конфликтов путем борьбы. «Прощание в бурю» (1915) отражает окончательное разочарование Зальтена в мировой войне, автор возвращается на позиции «маленького человека», чьи быт, семья, любовь и труд важнее макрополитики и неразрешимых конфликтов современности.

Самыми известными из всех произведений Зальтена являются написанные во второй половине жизни рассказы о животных, в образе которых узнаются человеческие черты. Они полны гротеска и построены на антитезе человек – животное. Именно в рассказах о животных Зальтена воплощаются важные идеи австрийского модернизма – идея богоискательства и богоборчества, связанные с идеей очиститься от всего человеческого, популярной в 20–30-е годы в австрийской литературе. «Опыт Бэмби и других животных помещен в макрокосм, пропитан религиозными коннотациями» [Strümper-Krobb 2015].

В 1923 году выходит фантастическая, но в то же время сатирическая повесть «Флорентийская собака», где главный герой должен стать животным, чтобы достичь своей мечты и открыть в себе высокие чувства. Постепенно герой освобождается от человеческой личности, в финале окончательно превращаясь в собаку и пройдя путь духовного взросления через обличье животного. Спасение в повести связано с библейским интертекстом и понимается буквально: в борьбе за возлюбленную герой лишается жизни. Путешествие Лукаса на юг Италии имеет двойственную природу: жизнь-смерть, человек-собака. Эта двойственность усилена соотношением мрачной жизни юноши и жизни собаки эрцгерцога, которая видит солнечный пейзаж из окна кареты. История начинается со спуска по лестнице (герой Данте должен был спуститься в Ад, чтобы оказаться на небесах, герой Зальтена должен спуститься по лестнице существ). Зальтен изобразил свой Ад: ненавистный Лукасу город с рвами, узкими темными улицами-лабиринтами, старыми серыми домами, где герой чувствовал себя стесненным, словно сдерживаемый гнетущей силой. Антитеза занимает важное место и на уровне второстепенных образов, создавая морально-нравственную проблематику текста: мир, утверждаемый Зальтеном, находится в ситуации равновесия. Гармония создается родством крайностей, близостью «далекого»: праведность и грех, мораль и преступление, человеческое/животное, христианское/пантеистическое. В тот самый день, когда куртизанка Клавдия стала проституткой, ее брат ушел в монастырь. Капитан Эрколе де Морено говорит Лукасу: «Вы знаете, что сказал Серафио, когда стал монахом? Я должен перебраться на другую чашу весов» [Salten 1985: 114]. Морено стремится помочь героям, но при этом он отдает свою жизнь, таким образом уподобляясь библейской фигуре Христа. Важное место занимает символика числа: двенадцать раз Лукас встречает Морено, двенадцать раз автор

акцентирует внимание читателя на белоснежных волосах капитана. Образ капитана Морено – второй образ мудрого отца и в то же время образ Бога в повести. Первый – седовласый старик, добродушный и всеведущий, подобно волшебным помощникам из сказок, помогающий и поддерживающий Лукаса во время его путешествия и всегда находящийся рядом, когда собаке нужна помощь. Как Христос делился хлебом со своими апостолами, чтобы укрепить их веру, так и старец делится своим хлебом с Лукасом, приободряя его. Образ сильного лидера-отца, мудрого, поучающего жизни, встречается в романах Зальтена «Бемби» (1924) и «Мартин Овербек» (1927).

На фоне событий распада империи, трех волн миграции евреев в Палестину, опыта мировой войны и революций Зальтен задокументировал размышления о судьбе еврейского народа и призыв к религиозному единению авраамистических религий с центром – в возрожденном Иерусалиме. В своем эссе 1925 года «Новые люди на старой земле» Зальтен писал о «еврейской крови, которую никто никогда не забывает» [Salten 1925: 166]; впечатленный личностью и увлеченный идеями Теодора Герцля (1860–1904), он превращает описание миграции и освоения палестинских земель в футуристический текст, отражающий его утопический проект восстановления миропорядка на основе единения и пацифизма, но, как и Стефан Цвейг, он «никогда не присоединялся к сионистскому движению» [Rouh 2000: 130].

Несмотря на восхищение идеологической концепцией Герцля, Зальтен обнаруживает, что столкнулся с дилеммой: недостаточно быть евреем, чтобы перестать быть чужим на земле предков, слишком ассимилированные европейским обществом христианской буржуазии и дворянства мигранты «родину, которую искали, уже не знали, но и землю, откуда они пришли, они еще не забыли» [Salten 1925: 3]. Стефан Цвейг так описывал чувства евреев в те дни: «Трагедия евреев XX века была трагедией тех, кто пострадал и не мог ни объяснить это, ни обвинить кого-либо... евреи средневековья боролись за свою веру и свои законы, они были готовы страдать как “избранный народ”», но «евреи XX века больше не были общиной. У них не было общей веры, они скорее ощущали свое “еврейство” как бремя, чем гордились этим, и больше не верили ни в какую миссию. Они жили отдельно от законов своих когда-то священных книг; они больше не хотели старого, общего языка» [Zweig 1994: 488].

Два центральных очерка (XIV – Храмовая гора и XV – Голгофа) «Новых людей на старой земле» построены на сближении авраамических религий: «Мусульмане почитают предшественника своего пророка в Моисее... <...> Псалмы царственного поэта Давида поются во имя христианской любви. <...> Ной, Самуил, Иов и многие другие до сих пор принимаются в культах исламской и христианской конфессий как

почтенные старцы, сияющие святостью» [Salten 1925: 132].

Идеи мира, всеочувствия, братства людей появляются в тексте с описанием Иерусалима: здесь чувствуется единство всех людей, которые молятся единому Богу, Иерусалим – центр всех религий, основанных на библейской традиции, а ветхозаветный иудаизм выступает родоначальником современных конфессий и символом терпимости: «Все народы земли собрались вокруг Иерусалима, все вероисповедания – христианство, ислам и иудаизм – осадили город по кругу» [Salten 1925: 105]. Выражения приветствия и традиционные формы обращения во время беседы, сохранившиеся с библейских дней, иллюстрирует возможность понимания и братания тех, кто по ветхозаветному канону является братьями. Братство арабов и евреев, взаимопонимание между евреями и христианами для Зальтена поначалу лишь мечта, но в будущем осуществимая реальность на земле Палестины. Бог дважды избрал еврейский народ: избрав Авраама родоначальником евреев, арабов и других народов, и избрав Моисея, дарующего свободу презираемым рабам в Египте. Судьба еврейского народа – объединить и стать мировой религией, и каждый из народов должен увидеть практическую пользу от этого единения. Политический выбор Зальтена: «Эта политика мира и прощения – единственно правильная, которая может быть, практикуются евреями. Это соответствует еврейскому сердцу, еврейскому духу, соответствует истинным человеческим заповедям. Здесь, на земле своего первоначального дома, евреи не должны выглядеть, как европейцы, стремящиеся к завоеванию, не должны хотеть применять насилие против насилия, даже если бы у них была для этого вся власть. Потому что они будут жить здесь вечно с арабами» [Salten 1925: 254].

Призывая к миру и единению потомков Авраама, Зальтен останавливается в своих очерках на судьбе не только своего собственного народа, но пишет о христианах и мусульманах, анализируя их путь. Тема христианства в «Новых людях» возникает трижды: XV – Голгофа, XX – Вифлеем и XXVI – Назарет. Каждый раз автор отказывает христианским святыням в достоверности: путь на Голгофу похоронен под слоем истории и уже не подлежит восстановлению, состоятельные вифлеемские женщины «гордые..., строгие в выражениях... Но я не обнаружил среди них лика Марии» [Salten 1925: 195], прекрасный Назарет стал перевалочным пунктом суетливых американских туристов. Однако автор утверждает одухотворяющую силу веры: «Меня не волнуют исторические исследования, догадки, основанные на фактах, противоречия и все такое. <...> Вера двух тысячелетий обладает творческой силой, чтобы дать полную, живую реальность событиям, которых никогда не было. <...> Я верю в творческую силу веры» [Salten 1925: 120]. Сравнивая конфессии и даже «разрушая» религиозные границы, Зальтен признает, что и мягкие,

мирные картины в христианском Вифлееме привлекают человечностью и безыскусностью. Трагедии ассимиляции евреев в христианских странах (Врангель и Деникин в Одессе, англичане, румыны) упоминаются, но не связываются с противостоянием религий.

Ислам представлен описанием обычаев в главах 14 и 26 – автор не вдаётся в подробности, но выглядят попадающие в его поле зрения шествия и марши агрессивно, сопрягаются с танатальной символикой (как посещения кладбищ в Наблусе). Зальтен «вступает» на общее для него и современных ему авторов, ведущих напряжённый религиозный поиск, поле: вера и религия должны либо примирить человека со смертью и оправдать ее, либо дать ему просветление такой силы, чтобы он осмелился ей сопротивляться. Смерть «явленная в своей мнимости и неокончателности в произведениях искусства, снах и случайных совпадениях становится предупреждением бездумному и утратившему ценности человеку» [Seibel et al. 2017: 156]. Верфель в написанном почти одновременно «Египетском дневнике» формулирует то, что у Зальтена возникает как умолчание: «Трагизм ислама, по-видимому, заключается в том, что он вообще не имел богословского развития» [Werfel 1975: 734] – сущность иудаизма остается темной и неясной для авторов, «по-прежнему соответствует миру крестовых походов» [Werfel 1975: 734]. Но есть и другая сторона – агрессия, преследования, террор. Сцены жестоких столкновений арабов и евреев у Зальтена «обрамляют» «Новых людей на старой земле» (главы 2, 21, 27, 28). Он не скрывает антагонизма: «В их темных глазах пылают фанатизм и насилие» [Salten 1925: 200].

Описание Иерусалима, «резиденции Бога» на земле [Salten 1925: 105] внушает автору мысль о «мертвых» и «живых» частях иудаизма. Недоступный иудаистский Яхве менее интересен Зальтену, чем этический и психологический смысл ветхозаветных текстов, внушающий поистине священный трепет своей близостью и понятностью.

Милостивое противопоставлено жестокому, человеческое – суровому. «Вспыльчивый Бог» [Salten 1925: 14] иудеев, испытывающий свой народ, «строгий, нетерпеливый и сурово карающий» [Salten 1925: 163], пугает автора. Он слишком похож на «богатых, полных, счастливых олимпийцев, уже не дававших утешения» [Salten 1925: 197]. Проходя по ветхозаветным местам, автор переживает набор чувств, выходящий далеко за грань религиозного восхищения и смирения: это и боль, и сочувствие Моисею, и скорбь по Содому и Гоморре, и упрек жестокости божьего гнева: «Как мне не стыдиться вспышки гнева Бога, когда я вижу его следы?» [Salten 1925: 188]. Но совершившие подвиг отшельничества и скитаний люди, «убившие» в себе мелочный эгоизм и готовые даже спустя тысячелетие возрождать дарованную им в качестве дома пустыню, – результат великого «переворота» (Umsturz) [Salten 1925: 18], произведенного Богом.

Древняя история научила его соплеменников не склоняться, народ «свергнутых мятежников» [Salten 1925: 18] обрел «выдержку ...и молчаливое упорство» [Salten 1925: 17]. Вера в Бога для него – это вера в будущее. Для нового поколения соплеменников Зальтена «Бог и есть земля!» [Salten 1925: 23], ставшая домом. Вера – необходимое воодушевляющее обоснование каждодневного подвига первопроходцев.

Будущий цветущий Израиль – вдохновенная мечта, воодушевляющая автора. Зальтен в первую очередь видит необходимость в практическом труде по освоению и процветанию Палестины, созданию нового рая на земле и «подвиге самопожертвования» [Salten 1925: 91]. Практицизм он прославляет во многих текстах. Если вспомнить «Кайзера Максимилиана...», то хроника начинается с восхваления: «Всего этого молодому Максимилиану было мало. Теперь у него был подвижный ум, он весело обращался к окружающему миру, и у него было игривое, беспокойно блуждающее воображение. <...> Он стоял у токарного станка, иногда занимался столярным делом, механиком, а иногда писал стихи» [Salten 1913]. Этот принцип «равновесия» разных сторон жизни и видов деятельности важен Зальтену и в «Новых людях на старой земле» – в его идеализированной Палестине молодые аграрии увлекаются искусством, изучают поэзию, музыку и философию.

Основные идеи, лежащие в основе произведений Зальтена, определяются «важностью тем в пробудившемся еврейском национальном движении, которому [современники писателя] придали им преимущественно политический характер» [Dickel 2007: 486]. Идея мира и религиозного единения для Зальтена выходит за рамки политического дискурса, мир может установиться только на почве глобального братства, прогресса и благополучия вокруг воссоздания единого центра – Иерусалима, а иудеи, как народ-посредник, должны стать ключевыми фигурами в сближении народов. Идея мира при этом сопряжена с пацифистским настроением: жизнь маленького человека, страдающего от войн, ненависти и непонимания, оказывается важнее политических интересов; только государство, построенное на фундаменте всеобщего братства, может стать великим.

Список литературы

Beverley E.D. Felix Salten: Man of Many Faces. – Riverside (Ca.) : Ariadne Press, 2010. – 412 p.

Dickel M. Ein Dilettant des Lebens will ich nicht sein: Felix Salten zwischen Zionismus und Jungwiener Moderne. – Heidelberg : Winter, 2007. – 892 S.

Ester H. Franz Werfel und das Verlangen nach dem verlorenen Österreich // Ester H. Hinter den Bergen eine andere Welt & Österreichische Literatur des 20. Jahrhunderts. – Bern, 2004 [electronic resource]. – Mode of access: <https://brill.com/view/book/edcoll/9789004333628/B9789004333628-s006.xml> (дата

обращения: 18.12.2021).

Pouh L. Young Vienna and Psychoanalysis: Felix Doermann, Jakob Julius David, and Felix Salten. – Frankfurt am Main : P. Lang, 2000. – 208 p.

Salten F. Aus meiner Kindheit. Tragikomödie aus der Schule. – Wien : Wiener Allgemeine Zeitung, 1926. – 425 S.

Salten F. Das Theater und die Juden. 5 Essays. – Wien : Die Welt, 1899. – 368 S.

Salten F. Der Hund von Florenz. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1985. – 171 S.

Salten F. Kaiser Maximilian, der letzte lebende Ritter : mit Illustrationen nach zeitgenössischen Bildern von Albrecht Dürer und Hans Burgkmair. – Berlin : Verlag von Ullstein & Co, 1913 [electronic resource]. – Mode of access: <https://www.projekt-gutenberg.org/salten/kaiserma/chap001.html> (дата обращения: 10.01.2022).

Salten F. Neue Menschen auf alter Erde. – Berlin : Paul Zsolnay Verlag, 1925. – 276 S.

Seibel N.E., Volokitina N.I., Shastina E.M., Ziganshina N.F. The Motive of Death in the Austrian Novel of the Late 1920s and 1930s // The Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. – 2017. – Vol. 9, N 2. – P. 154–164.

Strümper-Krobb S. Bambi in America: The Rewriting of Felix Salten's Bambi // Austrian Studies. – 2015. – Vol. 23. – P. 123–142.

Werfel F. Zwischen Oben und Unten. – München ; Wien : Langen-Muelle, 1975. – 915 S.

Zweig S. Welt von gestern. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1994. – 635 S.

UTOPIA OF PEACE BETWEEN ABRAHAMIC RELIGIONS IN FELIX SALTEN BOOKS

The article deals with the main utopian ideas early 20th century in the books of Austrian writer Felix Salten. Despite the versatility of his artistic world, the emphasis in his books is on survival throughout life. The mass of essays, stories and novels contains characters as the pacifist mood, hopes for the future that the Jews, as a people-intermediary, should become the main figures in the rapprochement of representatives of the Abrahamic religions.

Key words: Salten; Zionism; Abrahamic religions; Judaism; Herzl; *Neue Menschen auf alter Erde*; *The Hound of Florence*; *Josephine Mutzenbacher*; Viennese theatre; Austrian literature.